

священник Димитрий Юревич,
преподаватель МДА, кандидат богословия

СЕМЬДЕСЯТ ТОЛКОВНИКОВ, МАСОРЕТЫ И СЛАВЯНЕ

Принципы перевода Священного Писания
на русский язык святителем Филаретом Московским

В 1816 году Святейший Синод поручил ректору Санкт-Петербургской духовной академии архимандриту Филарету (Дроздову) возглавить работу по переводу Библии на русский язык, тем самым положив начало его более чем полувековым трудам по переводу Священного Писания. На протяжении этого времени формируются и кристаллизуются взгляды святителя на цели, задачи и подходы к переводу Писания, а сами труды по переводу он всегда рассматривал как «наилучшее пособие к разумению Священного Писания».

Не только право, но и обязанность
читать Писание на понятном языке

Для святителя Филарета текст Священного Писания — это божественное Откровение, неразрывно связанное с Преданием Церкви. Такой исключительный статус Писания обусловлен его богодухновенностью, тем, что оно есть слово Божие, а не человеческое. «Учение Священного Писания изъясняется Преданием, — говорит святитель Филарет, — то есть определениями Соборов и толкованиями святых отцов; и учение Предания взаимно должно быть соглашаемо со Священным Писанием».

Для чего же дано Священное Писание? «Для человека слово Божие, — учит митрополит Филарет, — есть нетленное семя, от которого он возрождается из естественной в благодатную жизнь, есть хлеб, которым он духовно живет, и вода, которой утоляет духовную жажду, есть светильник, сияющий в темном месте, пока придет рассвет и заря взойдет в сердце, и есть самый дневной свет, то есть живое

познание Бога и чудес Его во времени и в вечности. Без слова Божия человек мрачен, голоден, жаждущ и мертв духовно. По сей необходимости слова Божия для истинного и лучшего существования человека всеблагий Бог от самого начала мира *многократно и многообразно говорил отцам через пророков*, а наконец говорил Он нам самым Ипостасным Своим Словом, едиnorodным Сыном Своим Иисусом Христом (Евр. 1:1–2). И дабы слово Его, открытое некоторым в некоторые времена, было для всех и навсегда, Он повелел богодухновенным мужам написать оное в священных книгах».

Таким образом, регулярное чтение Библии является насущной потребностью каждого христианина. Исходя из этого, святитель делает вывод о том, что «каждый имеет не только право, но и обязанность, по возможности, читать Священное Писание на вразумительном для него языке». Дело перевода Библии на понятный для народа язык он представлял как важнейший аспект церковной сотериологии. Впрочем, данная задача для митрополита Филарета имела не только цер-

Святитель Филарет Московский переводит Евангелие от Иоанна. Клеймо иконы

ковный, но и государственно-патриотический, общественный аспект.

Удержи язык твой от зла

Некоторые современные нам переводчики понимают задачу перевода Библии однобоко; стремясь дать доступный широким массам народа текст, они излагают возвышенную весть Божию с помощью упрощенных понятий, на примитивном языке, единственно понятном, по их мнению, простому народу. Из русских переводов последнего времени такой отпечаток носят работы Валентины Кузнецовой, а ее западные коллеги доходят до того, что перекладывают текст Библии на язык SMS-сообщений или на крайне примитивный молодежный сленг, например, приводя десять заповедей к следующему виду: «God: I'm No.1. No pix, plz. Uz my name nicely. Day7=holy. Take care of mum'n'dad. Don't kill, scrU round, steal or lie. Keep yr hands (&eyz) off wot isnt yrs».

Совсем другую задачу ставил митрополит Филарет, ориентируясь на чтение русского перевода Библии народными массами. «Если Бог благословит дело перевода Священного Писания на русское чистое и правильное наречие, и он войдет в домашнее употребление народа, то он может спо-

спешествовать установлению языка и удержанию его от падения, каковое действие перевода Священного Писания и у других народов замечено». Через перевод Библии святитель ставил цель развить русскую словесность, а значит, повысить общий культурный и образовательный уровень русского народа.

Неясности и утраты

Определившись с целью и миссией перевода, святитель Филарет указал способы к осуществлению столь важного дела. Необходимо было решить, с какого текста делать перевод Нового Завета: со славянского или греческого, — и Ветхого Завета: со славянского, греческого или еврейского. Основной установкой святителя было ориентироваться на оригинальный текст: «Переводы заимствуют свою достоверность от подлинника», — писал он.

Особенно сложным был вопрос о выборе текста для перевода Ветхого Завета. С одной стороны, святитель понимал, что в греческом переводе семидесяти толковников, хотя и освященном церковным употреблением, смысл некоторых мест является темным и малопонятным по сравнению с еврейским масоретским текстом. Этот факт он иллюстрировал целым рядом примеров, в частности, приводя 13 и 14 стихи 16-го псалма, где в греческом и славянском переводах говорится: *Избави душу мою от нечестивого, оружие Твое от враг руки Твоея. Господи, от малых от земли раздели я в животе их, и сокровенных Твоих исполни чрево их. Насытиши сынов и оставиши останки младенцем своим.* «Кто не примечает, — восклицал митрополит Филарет, — что слова сии не довольно вразумительны? Посему и в толковании, изданном по благословию Святейшего Синода, к сему славянскому переводу присовокуплен новый, более вразумительный перевод сего места с еврейского. И в русском предложении яснее изложено место сие так: *Защити душу мою мечом Твоим от нечестивого, рукою Твоею, Господи, от людей сих, от людей мира, коих удел есть здешняя жизнь, которых чрево Ты наполнил из Твоего хранилища, так что и сыны их будут сыты, и остаток оставят своим детям.*»

Однако видел митрополит и недостатки оригинального еврейского текста во многих местах, и невозможность, вследствие этого, делать перевод исключительно с еврейского масоретского варианта. Например, беседа с профессором еврейского языка Санкт-Петербургской духовной академии Василием Андреевичем Левисоном, владыка указал, что, поскольку 144 псалом написан по-еврейски «по алфавиту» (каждый новый стих начинается с очередной буквы алфавита), можно сделать вывод, что в еврейском тексте утрачен стих, который должен был начинаться с буквы «нун». В то же

«Септуагинта». Елена Черкасова, х., м.

Septuaginta interpretes — семьдесят толковников, переведших Библию на греческий. По преданию, одним из них был праведный Симеон Богоприимец

время в переводе семидесяти и, соответственно, в славянском этот стих сохранился, что свидетельствует о текстуальном преимуществе Септуагинты в данном месте: *Верен Господь во всех словесех Своих, и преподобен во всех делех Своих.*

Предвосхищающая открытия Кумрана

В эпоху Филарета подобные недостатки еврейского масоретского текста, который многими западными учеными наивно мыслился как оригинальный, исходный текст Ветхого Завета, трудно было адекватно объяснить. Лишь духовная мудрость святителя и его внимание к церковной традиции использования Септуагинты позволили в необходимых случаях в русском переводе уклоняться от еврейского варианта в пользу греческого. Спустя более ста лет после начала переводческой деятельности святителя наука смогла ответить на вопрос о причине этих разночтений. С 1947 по 1956 год был открыт целый корпус кумранских рукописей, относящихся к периоду с III века до Р.Х. по I век по Р.Х.

Из них почти одну треть составляли библейские манускрипты, исследование которых показало, что масоретский еврейский текст является представителем лишь одной из нескольких генеральных редакций библейского ветхозаветного текста, которые имели распространение в Палестине и Александрии накануне Рождества Христова, а именно — редакции, условно называемой «вавилонская». В Септуагинте преимущественно представлена иная, «александрийская» редакция, варианты которой также найдены среди кумранских библейских свитков, наряду с «палестинской» редакцией, близкой к самаритянскому Пятикнижию. Обсуждение причин возникновения разных вариантов древнееврейского текста в последние века перед Рождеством Христовым выходит за рамки этой статьи. Важно то, что выбранный митрополитом Филаретом синтетический подход, вызвавший столько нареканий в XIX и XX веках в адрес синодального перевода как соединившего разные текстуальные традиции, ныне может быть оправдан не только догматическими и смысловыми достоинствами

«Троицкая вечерня». Елена Черкасова, х., м.

Септуагинты, но и современными воззрениями на эволюцию древнееврейского текста Ветхого Завета еще до Рождества Христова.

В связи с этим не только оправданным, но и вполне обоснованным представляется ныне принцип, который святитель Филарет рассматривал основополагающим как в деле перевода, так и толкования Священного Писания: для установления истинного смысла слова Божия должно принимать в соображение, кроме текстов на языке оригинала, и важнейшие переводы — греческий и славянский. Наиболее ярко эта мысль выражена святителем в его записке в Синод от 8 мая 1845 года «О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания». В ней он предлагает уклоняться от двух крайностей, имевших в то время место в западном христианстве — либо признать самодостаточным (аутентичным) перевод Септуагинты, наподобие того, как это сделали католики в отношении Вульгаты, либо пользоваться исключительно еврейским текстом, что предпочитали протестантские исследователи. «Не только в первом из сих учений, но и в последнем православный богослов должен усмотреть тонкую односторонность», — замечает святитель. Он указывает на

особые обстоятельства, в которых был сделан перевод семидесяти, на его использование у священных писателей Нового Завета, а также — в богослужении греческой Церкви. Еврейский текст, который, со своей стороны, в ряде случаев проясняет смысл темных мест греческого перевода, также был использован как Самим Господом Иисусом Христом, так и новозаветным писателем — евангелистом Матфеем для указания на пророчества Ветхого Завета, а также для толкования библейского текста — учителями Церкви (например, Василием Великим и Иоанном Златоустом).

В заключение святитель дает важные критерии того, в каких случаях можно отдать предпочтение греческому переводу семидесяти в случае его отличия от еврейского:

1. Если имеется цитата ветхозаветного пророчества в новозаветной книге. «Богодухновенные писатели не могли погрешить в выборе истинного текста», — замечает святитель. Поэтому вариант псалма 15 «*ниже даси преподобному твоему видети истления*», приведенный в книге Деяний апостольских (11:27) по переводу семидесяти, можно рассматривать как подлинный текст, несмотря на отличие позднейшего еврейского масоретского варианта.

2. Если смысл еврейского текста неясен или имеет признаки повреждения.

3. Если какое-либо место Ветхого Завета имеет в Септуагинте значение пророчества о Христе, что подтверждено святоотеческим пониманием. Например, про стих 109 псалма «из чрева прежде денницы родих Тя» митрополит пишет: «Текст сей есть истинный, переведенный семидесятью толковниками согласно с еврейским текстом, им современным, которого следы примечаются здесь в переводе Феодотиона и в некоторых рукописях». Современные исследования показывают, что иное чтение масоретского текста связано с иной огласовкой.

Священность и понятность

Указанные принципы перевода и толкования являются общепринятыми в современной русской православной библеистике.

Митрополиту Филарету принадлежит и ряд более детальных правил, которые касаются техники перевода. Характеризуя их в целом, можно сказать, что святитель попытался наметить «царский путь», золотую середину между буквальной передачей текстовых особенностей оригинала и литературной обработкой перевода в соответствии с нормами русского языка. Как отмечают новейшие

исследователи (диакон И. Реморов), переводчики во главе с митрополитом Филаретом «не ставили перед собой задачи сблизиться с языком современной им русской литературы, языком динамичным и изменчивым; напротив, они сознательно от него дистанцировались, сохраняя традиции церковного стиля первой половины XIX века, который выступал как лучший вариант сочетания требований священности и понятности» и который восходил к языковой концепции М. В. Ломоносова. Например, внося правку в уже подготовленные переводы Евангелия от Марка при описании Тайной Вечери (14:22), святитель вместо «разломил» (хлеб) утверждает вариант «преломил» и объясняет: «Кто не поймет слова «преломил»? Кто не привык слушать его с благоговением? Какая нужда переменять на слово, которое уклоняет мысль от священного к мирскому?» Подобных примеров разумного использования славянизмов в Синодальном переводе для придания возвышенности евангельскому тексту можно привести немало.

В целом деятельность митрополита Филарета как переводчика Священного Писания замечательна цельностью подхода и богословской обоснованностью. Поэтому плоды его трудов важны не только для создания новых переводов, но и для понимания основных принципов православной герменевтики.

«Юность Давида». Елена Черкасова, х., м.

